

Хвощинская Надежда Дмитриевна

**Альбом. Группы и
портреты**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Н17

Н17 **Надежда Дмитриевна Х.**
Альбом. Группы и портреты / Хвоцинская Надежда Дмитриевна – М.: Книга
по Требованию, 2025. – 431 с.

ISBN 978-5-521-29046-8

Содержание: У фотографа; В суде; Риднева; Верягин; Между друзьями;
Счастливые люди

ISBN 978-5-521-29046-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

У ФОТОГРАФА.

ГЛАВНУЮ улицу города N. пересѣкаетъ коротенькій переулокъ, дома въ два-три, кончающійся крутымъ спускомъ, почти оврагомъ, внизу котораго—ручей. Хотя этотъ ручей считается рѣчкою и даже упоминается въ учебникахъ географіи, но полонъ бываетъ только въ весенній разливъ; лѣтомъ его воды едва достаетъ на поливку огородовъ на отлогой сторонѣ оврага. Съ большой улицы, прохожему, который, тоскуя отъ пыли, спотыкался на изрытомъ кирпичномъ тротуарѣ, не видя впереди ничего, кромѣ еще большихъ клубовъ пыли,—отрадно бросалась въ глаза зелень въ самой глубинѣ переулка, у самаго спуска. Тамъ былъ садъ съ большими липами, съ цвѣтущей сиренью, съ стѣною акацій. Къ саду примыкалъ домъ, непохожій на N—скіе дома, уютный, красивый, маленькій съ большими окнами, съ мезониномъ въ родѣ стеклянной башенки,—скорѣе дачный, нежели городской, но безъ пестрыхъ украшеній, какія принято налѣпливать на постройки, чтобъ придать имъ видъ сельской простоты. Правда, по карнизу шла вывѣска, огромными сіяющими буквами по

черному фону, но она не портила общаго впечатлѣнія, а только обращала вниманіе издали: *Atelier photographique*,—и поменьше, надъ дверью подъѣзда, поясненіе для большинства N—ской публики: *Рудольфъ Либмейеръ, фотографъ*.—Въ садъ выходилъ балконъ, у стеклянной башенки былъ тоже балконъ; ихъ соединяла наружная, тонкая лѣсенка: въ свѣтломъ воздухѣ, въ зелени,—это было граціозно.

Балконы были убраны тоже зеленью и цвѣтами въ горшкахъ. На нижнемъ, у стола съ газетами и журналами, двое господъ пили кофе и курили. Одинъ изъ нихъ былъ хозяинъ бѣлокурый, высокій, красивый, очень разговорчивый и веселый; онъ носилъ волосы съ проборомъ на двѣ стороны и что-то черное бархатное, въ родѣ блузы безъ пояса, какое-то подражаніе костюмамъ средневѣковыхъ художниковъ. Онъ помнилъ, что онъ красивъ и нѣсколько рисовался. Ему было лѣтъ тридцать. Гость казался старше, можетъ быть отъ усталости, замѣтной на его неровно-блѣдномъ лицѣ. Когда онъ улыбался на безпрестанный смѣхъ хозяина, это выходило какъ-то машинально, разсѣянно, и его глаза не смѣялись. Онъ былъ одѣтъ изящно, нѣсколько небрежно, съ сумкой черезъ плечо, по дорожному. Его звали Аяровъ. Съ Либмейеромъ они были знакомы давно, но не близко, и въ послѣдній разъ видѣлись семь лѣтъ назадъ, когда Аяровъ, оставляя N., проѣхалъ черезъ Москву.—Теперь, Либмейеръ напоминалъ эту послѣднюю встрѣчу.

— Видите ли, вы говорили, что уѣзжаете навсегда!—воскличалъ онъ весело.—Загадывать впередъ ничего нельзя. Я вѣрить не хочу, будто вы здѣсь только до

вечера, будто съ первымъ ночнымъ поѣздомъ вы укажете и опять „навсегда“. Изъ чего же вы пріѣзжали?

— Посмотрѣть, на мѣстѣ ли вашъ N.,—отвѣчалъ Аяровъ.

— Невозможно! Конечно, хотите видѣть прежнихъ знакомыхъ...

— Сохрани Господи, никого.

— Такъ исключеніе сдѣлано для меня?

— Какъ васъ сюда занесло?

— Вы виноваты!—отвѣчалъ Либмейеръ еще веселѣе и смѣясь еще громче.

У него въ самомъ дѣлѣ былъ веселый характеръ, но онъ еще пріучился смѣяться, чтобъ оживлять фізіономію своихъ заказчиковъ.

— Вы виноваты, вы, мой любезнѣйшій! Въ наше послѣднее свиданіе, въ Москвѣ—вы уѣзжали отсюда, изъ N., и кляли его, несчастнаго, на чемъ свѣтъ стоитъ,—помните? Мнѣ въ то время жилось плохо,—нечего таить. Я думалъ: не поискать ли счастья тамъ, откуда люди бѣгутъ?

— Фантазія,—замѣтилъ Аяровъ.

— Дикая фантазія,—повторилъ Либмейеръ;—но дикости, крайности, странности,—это еще неизвѣданное, загадочное; это—судьба! Я вздумалъ запустить руку въ таинственный кладезъ и... какъ видите, пріѣхалъ я сюда очень налегкѣ, почти ни съ чѣмъ, а въ семь лѣтъ—свой домикъ, свой садикъ, экипажъ, думаю... нужно только счастья.

— Неужели можно такъ много заработать на карточкахъ?

— Счастье нужно. Опять — надо угодить публикѣ.

Я тутъ засталъ одного фотографа... и надо отдать ему справедливость: знающій, въ Лондонѣ былъ. Но чтобъ понять здѣшнюю публику—никакой опытности. Ну, тутъ и изъ послѣдняго бился, какъ только могъ. Онъ и убрался. И инструменты я у него купилъ, какъ мнѣ бы въ Москвѣ не удалось... потому, кому-жъ онъ ихъ могъ сбыть, кромѣ меня? Счастье! Вотъ какъ я одинъ остался, я себя и показалъ. Здѣшняя публика этого отъ роду не видала: пріемъ, разговоръ... Да къ этому еще дядя у меня во Франкфуртѣ умеръ...

— На счастье? — повторилъ Аяровъ.

— На счастье!—повторилъ, захохотавъ, Либмейеръ... Нѣтъ, чтѣ же? я его даже не зналъ; я родился въ Россіи... Досталось мнѣ отъ него немного; конечно все-таки поддержка. И, какъ я вамъ сказалъ, я здѣсь одинъ; меня знаютъ, полюбили... Вы, право, слишкомъ были требовательны къ здѣшнему обществу; я его засталъ какъ разъ—вслѣдъ за вами, оно, право ничего...

— Совершенно ничего, я съ вами согласенъ, — отвѣчалъ Аяровъ. — Но наше положеніе разное: вы только снимаете портреты, а мнѣ приходилось имѣть дѣло съ самими людьми. Вотъ, тотъ баринъ, напримѣръ, чтѣ виситъ у васъ въ золотой рамкѣ, въ гостиной; я неважная особа, а увѣренъ, что ему не было непріятно, когда мнѣ вздумалось бросить здѣшнюю службу и уѣхать. Кстати, чтѣ онъ еще у васъ творить?

Либмейеръ торопливо оглянулся въ цвѣтникъ. Гость касался щекотливаго вопроса. Господинъ начальникъ губерніи, изобразившись во всѣхъ своихъ украшеніяхъ, оставилъ фотографу экземпляръ портрета съ собственноручной надписью: „въ знакъ сочувствія къ искусству и

художнику“ и что-то далѣе, довольно длинное, менѣе понятное, но исполненное дружелюбнаго благоволенія, просвѣщеннаго покровительства и начальнически-вѣской шутки. Этотъ портретъ занималъ видное мѣсто въ гостиной, и никогда никто не осмѣлился произнести предъ нимъ ничего подобнаго тому, что сейчасъ выговорилъ этотъ *ex-судебный* слѣдователь, кажется, во всемъ отечествѣ не находящій себѣ мѣста по праву... Либмейеръ, впрочемъ, не нашелъ нужнымъ возражать, а вопроса будто не разслышалъ. Въ короткій промежутокъ молчанія, Аяровъ, казалось, и самъ забылъ, что спрашивалъ. Хозяину показалось неловко молчать.

— Нѣтъ, здѣсь право не скучно,—началъ онъ снова:— въ послѣднее время особенно. Знаете, общество опять оживляется. Лѣтъ шесть-семь назадъ ужъ очень серьезничали. Теперь, какъ-то все это въ порядокъ приходитъ. Танцуютъ. Театръ есть, оперетки. Съ дамами есть о чемъ поговорить. А то, бывало, помните, неприступности... Ахъ, забавно, когда я только-что здѣсь обзавелся, ко мнѣ приходили двѣ дѣвицы, просили, чтобъ я училъ ихъ снимать, да еще мало этого: читай я имъ химію... Мало ли такихъ затѣй бывало. Теперь вспомнить забавно, а что я, въ крайности, въ первое время выносилъ! Препараты, бывало, имъ снимаешь, жуковъ разныхъ... Право, что-жъ дѣлать! нужда!.. Но всего бывало непріятнѣе — женскіе портреты: все черныи люстринъ, ни бантика, ни позы, ни выраженія. Все „строгая простота“, а художнику это наказаніе. Только-только хочешь освѣтить какъ-нибудь, посадить,—кричатъ: „не естественно!“ Какое ужъ тутъ искусство и какъ себя звать...

— А теперь? — спросилъ Аяровъ.

— О, теперь, нѣтъ никакого сравненія! Дамъ не узнаешь; ожили, опять красота, опять наряды. Теперь художнику раздолье. Я вамъ покажу...

— Вы сохраняете портреты, которые дѣлаете?—спросилъ поспѣшно Аяровъ.

— То-есть, замѣчательные, для коллекцій.

— Для какихъ коллекцій?

— Для продажи.

— Коллекцій? Для продажи?

— Ну, да. Вы знаете, новая мода? Да знаете! Альбомы хорошенькихъ головокъ?

— Понятія не имѣю.

— Неужели? Невозможно! Помилуйте... Ну, замѣтно, что вы съ азійской границы!.. Помилуйте, нынче для кабинета молодого человѣка это обязательно. Стереоскопы, — ну, то интимное, а это — альбомы для всѣхъ..

— Не видалъ, — возразилъ Аяровъ.

— Это прелесть! Прежде, давно, бывали литографіи, — Греведона, что-ли?—но то была фантазія, а это настоящія, живыя. Раскрой и любуйся — десятки!

— Откуда-жъ вы ихъ набираете?

— Да просто: знакомыя, незнакомыя, хорошенькія, эффектныя лица. Напримѣръ, я снимаю портретъ, вижу — подходящая, — и заготовляю такихъ побольше. Мы, художники-фотографы, размѣниваемся, поставляемъ одинъ другому. Нарасхватъ разбирають.

— И это такъ явно, откровенно?

— Такъ что-же?.. Ахъ, да! Ну, знаете, будто подъ секретомъ!

— А между тѣмъ—на весь свѣтъ?

— Такъ что же?

— И никто не вступится?

— Кому же вступаться?

— Какъ кому? Отцамъ, мужьямъ, братьямъ...

— Э, они сами покупаютъ себѣ чужихъ женъ, сестрицъ, дочекъ!

— Но сами женщины? Каково же знать, что ихъ лица достаются кому попало?

— Женщины? Помилуйте! Не тѣ времена! Это прежде, бывало, снимается остриженная, да, этакъ, повелительно: „прошу васъ уничтожить негативъ“; а я и намѣренія не имѣлъ его сохранять и снималъ по тому только, что—ремесло, платятъ мнѣ... Хорошенькая сама предчувствуетъ, для чего я ее эффектно сажаю, освѣщаю; еще сама мнѣ поможетъ, поправится, выраженіе приметъ, чтò-нибудь придумаетъ; она сама рада... И какъ удачно выходитъ, очарованіе! Неужели вы никогда не видали? Я вамъ сейчасъ покажу.

Онъ обрадовался не то случаю похвастаться работой, не то возможности чѣмъ-нибудь занять гостя.

— Это моя специальность, женскія лица и эти коллекции,—продолжалъ онъ съ гордостью, остановясь въ дверяхъ балкона.—Вы такихъ немного найдете и въ Петербургѣ. Соперничаю съ заграничными. Посмотрите, какова отдѣлка, да порекомендуйте... Не хвалюсь... Но, вотъ увидите...

Аяровъ остался одинъ и прошелся по балкону. Съ этой высоты, между деревьями, было видно далеко. За рѣчкой освѣтились главы церквей; пролетѣли голуби, сверкнувъ крыльями. Было тихо, какъ въ деревнѣ... Аяровъ, казалось, крѣпко задумался. Но онъ ничего не думалъ, хотя

многого могъ бы напомнить ему городъ, гдѣ онъ про-
велъ первые четыре года своей свободной молодости.
Все прошедшее, всѣ воспоминанія, вся молодость, вся
жизнь кончилась для него вчера вечеромъ. Этому не бы-
ло еще сутокъ. Онъ еще лежалъ подъ ударомъ, подъ
тяжестью этого конца...

Вчера онъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ изъ одного да-
лекаго города въ Петербургъ. Вечеромъ, за обѣдомъ, на
станции, откуда вѣтъ дороги идетъ въ Н., онъ услы-
шалъ, какъ одинъ проѣзжій господинъ сказалъ другому:

— Новоселовъ овдовѣлъ.

Аярову показались эти слова какъ-то странными, буд-
то не по-русски; ему показалось, будто у него охолодѣ-
ли колѣни, а изъ груди кто-то вытянулъ воздухъ. Со-
вершенно ничего непонимая, ни говора кругомъ, ни
предметовъ, онъ обратился къ незнакомому господину:

— Кто овдовѣлъ?

Господинъ оглянулъ его вопросительно. Тоже въ эту
минуту сдѣлали многіе другіе.

— Мой хорошій пріятель, Иванъ Петровичъ Новосе-
ловъ,—отвѣчалъ онъ отчетливо и не безъ нѣкотораго
внушенія незнакомому, который позволилъ себѣ вмѣ-
шаться въ чужой разговоръ:—Новоселовъ.

— Не можетъ быть!

— Дѣлать нечего-съ, такъ есть!—подтвердилъ проѣз-
жій, улыбаясь и пожимая плечами.—Я самъ провожалъ
его супругу въ послѣднее жилище, въ Духовской мона-
стырь... Еще въ мартѣ умерла,—прибавилъ онъ обраца-
ясь къ своей компаніи:—на дняхъ поставятъ памятникъ;
ужь привезли....

Аяровъ всталъ изъ-за стола, расплатился, подошелъ

къ кассѣ, взявъ себѣ билетъ и пошелъ садиться въ вагонъ N—скаго поѣзда, готоваго отойти. Онъ самъ не зналъ, какъ и за чѣмъ это дѣлалъ, но дѣлалъ все очень спокойно. Онъ только забылъ свой дорожный мѣшокъ въ петербургскомъ поѣздѣ; его догналъ съ нимъ услужливый кондукторъ.

— Благодарю васъ.

Онъ вспомнилъ, что за услугу надо заплатить, потомъ искалъ себѣ мѣста поудобнѣе, въ углу вагона, чтобы ночью лучше выспаться. Было прохладно; что-то сырое, въ родѣ дождя, пронеслось мимо оконъ. Пассажиры кругомъ спали крѣпко. Аяровъ, впрочемъ, не зналъ, были ли кто-нибудь въ его вагонѣ. Рядомъ съ нимъ не сидѣло никого. Ему не спалось, онъ смотрѣлъ въ окно. Поля молодой ржи лежали сизыя, какъ сталь; полосы лѣса раздвигались, одна—назадъ, другая впередъ; какъ кусокъ отбитаго стекла, отражая темное облако на желтомъ отсвѣтѣ неугасающей зари, мелькалъ изгибъ рѣчки; надъ болотами стоялъ туманъ, черные камыши, бѣлыя вербы. Даль волнистой, мягко-синей равниной рѣзко отдѣлялась отъ блѣднаго неба. Вдругъ все скрывалось за стѣной насыпи; наверху ея, точно пугала, появлялись и бѣжали кустарники; роща подступала къ самой дорогѣ; клубы дыма скатывались до земли, разметывались, и длинными призраками уплывали подъ деревья; вертась и дрожа, пролетали искры...

Что-то загремѣло особенно громко, мостъ или встрѣчный поѣздъ...

— Oh! Hélène, où es-tu?—раздался съ просонка испуганный голосъ за подушкой сосѣдняго диванчика.

— Елена...—проговорилъ Аяровъ, бросаясь головой въ свою подушку.

Въ восемь часовъ утра показался городъ N. Солнце было ярко, небо розовое, тѣни голубыя; въ полѣ сверкали золотомъ полосы желтыхъ цвѣтовъ, звенѣли жаворонки; въ городѣ темнѣли сады, перекликались протяжные ранніе колокола. Пассажиры суетились. При концѣ пути усталость чувствовалась сильнѣе; еще противнѣе казались шль и копотъ, запахъ гари, грязи, сала, ржаваго желѣза, еще скучнѣе однообразіе дороги и кругомъ нея—вороха мусора и камней, лужи, рытвины, пустыри, разоренье...

Машина еще разъ отчаянно крикнула; послѣдніе клубы буростѣраго дыма выкинулись въ сіяющій воздухъ; пассажиры вышли на платформу большаго каменнаго вокзала.

Аяровъ вышелъ тоже. Семь лѣтъ назадъ, когда онъ оставлялъ N., тамъ еще не было желѣзной дороги. Онъ не узнавалъ мѣста и въ окружающей толпѣ не видѣлъ ни одного знакомаго лица. Но ему никого не было нужно. Онъ помнилъ только, за чѣмъ пріѣхалъ; все остальное кружилось передъ нимъ, какъ одинъ изъ отрывочныхъ сновъ этой ночи.

— Не изволите ли остановиться? Нумера хорошіе. Вотъ-съ, близко, напротивъ?—раздалось подлѣ него, когда онъ вышелъ на крыльцо.

Содержатель гостиницы указывалъ ему на большой деревянный домъ съ раззолоченной вывѣской.

— Хорошо,—отвѣчалъ Аяровъ, машинально уступая ему свой мѣшокъ.—А когда здѣсь отходятъ поѣзды?

— Вамъ куда желательно?

— Въ Петербургъ.

— Московская машина теперь пойдетъ не раньше,